

Дмитрий Спирин

Тупой панк-рок для интеллектуалов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6684094

Спирин Д. Тупой панк-рок для интеллектуалов: АСТ: Кладезь; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081629-3

Аннотация

Дмитрий Спирин – человек с богатым музыкальным опытом. Бас-гитарист не существующей ныне группы «Четыре таракана» и кавер-группы «Приключения электроников». Бессменный вокалист и фронтмен мелодичной панк-рок группы «ТАРАКАНЫ!» и, наконец, автор.

Эта книга написана не только для поклонников группы «ТАРАКАНЫ!», но и для всех, кому близок бунтарский дух панк-рока. На этих страницах, лежит честная история, становления музыкального андерграунда и положения дел в стране на развале Советского Союза. Пустые прилавки магазинов, отсутствие концертных площадок и рекорд-лэйблов, способных заняться продвижением группы. Непонимание со стороны общественности и долгий, полный перемен и тяжелых испытаний путь к популярности. Обратная сторона туров, больших, сольных концертов и музыкального бизнеса в России.

Биография Дмитрия Спирина – это подробный рассказ о создании групп, в которых он принимал (и продолжает принимать) участие. Общение, взлеты и падения, а также большое количество панк-рока и столь близкий многим проверенным временем музыкальным коллективам дух старой школы!

Содержание

Интро	5
1. А ну-ка раз, два, три, четыре!	6
2. «Четыре Таракана» from USSR	11
3. You're left your home, you left your parents...	24
4. I just walkin' with myself	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Спирин

Тупой панк-рок для интеллектуалов

© Спирин Д., 2014

© Оригинал-макет, ООО «Книжкин Дом», 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Интро

Перед тем как позволить вам приступить к чтению собственно книги, я хотел бы ответить всем, но в большей степени самому себе, на два вопроса: зачем она нужна, и почему я сам пишу ее.

Я часто встречаю в продаже подобные литературные труды и знаю, что частенько такая книга может стать по-настоящему занимательным чтением, причем не только для фэнов группы, но и (если только подойти к вопросу грамотно) для абсолютно посторонних людей. Не так давно я прочитал автобиографию Марка Алмонда «Порочная жизнь», и так приколосился, что решил скупить все пластинки артиста, о котором я до той поры знал только понаслышке. Такое же сильное впечатление на меня произвела биография Джона Леннона авторства Альберта Голдмана. Был период, когда мы просто выстроились в очередь друг за другом, чтобы прочитать ее. Есть и еще одна причина. Прилавки рок-магазинов сейчас завалены биографиями российских групп, которые не пережили и сотой части тех удивительных приключений, странных встреч, судьбоносных знакомств, беспредельных эпизодов и крутейших поворотов судьбы, имевших место в нашей жизни. И вы предлагаете мне спокойно смотреть на это? И еще один момент: люди хотят знать все... Ну, или почти все (я имею в виду тех людей, которые вообще могут хотеть знать хоть что-то). Стандартная биография, доступная на нашем сайте или еще где-то, отвечает только на основные вопросы. Я же постараюсь предельно откровенно (настолько, насколько это вообще возможно) описать все то, что происходило эти двенадцать лет, дать объективную (опять же, настолько объективную, насколько это может сделать такой самовлюбленный субъект, как я) оценку событиям, фактам, а главное – людям. Я очень надеюсь, что после выхода этой книги единственным вариантом ответа на вопрос типа: «Слышь, Сид, а че тот-то из группы свалил?», или «А когда вы сочинили это?», или «А че вы ваще имели в виду, когда сделали то?» – будет ответ: «Читайте, ребята, книжки. Там все пишут».

Почему же я сам решил написать это? Отчего мы, например (как это делают многие), не воспользовались услугами какого-нибудь типа писателя или, что еще лучше – музыкального журналиста?

Ну, во первых, принцип «Делай Это Сам» часто становится единственно возможным способом получения отличного (наилучшего) результата. Кто лучше, чем я, знает, что НА САМОМ ДЕЛЕ происходило? Кроме того – чем я не писатель? Писатель, да еще какой. Многие пососут. И еще. Эта группа, и эта музыка – не что иное, как моя собственная жизнь. Единственная тема, которую я знаю по настоящему хорошо. Досконально.

1. А ну-ка раз, два, три, четыре!

Это была ранняя весна 1991 года, время стремное, но интересное. Страна потихоньку подбиралась к первому путчу в своей новейшей истории, жрать было нечего, курс доллара рос каждый день. Зато уже было радио SNC (рок круглые сутки!), и некоторые московские пацаны еще хотели быть звездами рок-н-ролла больше, чем хозяевами коммерческих ларьков, что на определенном этапе тоже весьма неплохо. Я уже около полугода репетировал с группой, менявшей свое название от репетиции к репетиции. Поначалу мы звались «Гриф», но кто-то нам сказал, что птица гриф питается падалью, и это оказалось достаточной причиной, чтобы название отменить. Обидно, я уже нарисовал шариковой ручкой мощнейшее металл-лого. Следующим вариантом был «Аббат», не знаю, почему нас вдохновило это слово. Помню, через неделю после переименования наш гитарист Паша Мазенов принес новую песню, в которой имелись следующие фантастические слова: «Встрече с ним каждый рад / твой и мой адвокат / аббат!». «Аббат» не был настоящей группой. Мы репетировали дома у барабанщика. Барабанщик играть не мог. Кроме всего прочего, его установка состояла из пустого чемодана (бас-бочка), клетки для птиц (все тарелки и хай-хэт одновременно) и пионерского барабана. У гитариста была гитара «Стелла» (модель культовой фабрики «Урал»), перегружалась она через отжатый на запись магнитофон «Электроника-312». Отдельно следует остановиться на певце, тем более что этот мощнейший человек будет еще встречаться на страницах книги. Певцом был Игорь Чекрыжов, или Гарик Чек, более известный ныне как Гарик-из-Зиг-Зага. Пел он у нас, правда, недолго. Гарик, Паша и я несколько лет подряд ездили в один пионерский лагерь «Луч», где и познакомились. Я учился играть на басу, вот уже два года посещая так называемую «Студию современной музыки» в ДК «Красный Химик». Летом 1990-го, тяжелым физическим трудом, работая грузчиком на гастролях поп-группы «Клеопатра» (там еще была певица Светлана Владимирская. Позже у нее был хит «Мальчик мой», сейчас она в некоей секте, строит в Сибири город Солнца), я поднял немного рублей и купил «настоящую» бас-гитару. До этого я пользовался обычной акустической гитарой, переделанной в бас. Вот в таком составе и с таким оборудованием мы старались сделать группу. А теперь представьте, что эта группа пыталась играть хард-н-хэви в стиле Арии! Все это было настолько смешно, что иногда даже не было понятно, в чем же здесь юмор. Группа не трогалась с места, и единственным достижением ее была договоренность о грядущем концерте в какой-то школе Бауманского района. Примерно в это время один бывший одноклассник рассказал мне о некоей группе, возникшей в нашем районе. Группа, по его словам, играла «панк-рок» (что такое панк-рок?), и в составе ее имелись чуваки из 56-й школы, а также Воробей, – Дима Воробьев, сын моей учительницы немецкого и одно время классной руководительницы Надежды Семеновны. Во как! – подумалось мне. И как же они называются? А называются они – «Кутузовский проспект», и недавно играли в нашем Доме пионеров на площади Победы. Концерт! Настоящий! Для публики, а не школьников, под страхом смерти загнанных в актовй зал «на мероприятие».

Как выяснилось чуть позже – я, наверное, оказался единственным из районной тусы, кто не был на том самом историческом концерте в Доме пионеров. Несколько недель после о нем говорили все. Люди даже запомнили пару песен, одна из которых, «Чапаев», оказалась вообще немыслимым хитом. В разном исполнении я слышал ее от нескольких друзей, именно поэтому имею возможность привести здесь несколько строчек из этого удивительного произведения: «По реке плывет Чапаев /далеко не уплывет /потому что не смолкает / мой станковый пулемет. Гитлер лезет на сосну /лезет и смеется (!?) /посмотри товарищ Сталин /как он наебнется!»

К тому моменту «Аббат» (или как мы там к тому времени назывались) стали искать нормальную, не домашнюю репетиционную базу. Я, памятуя о месте проведения концерта «К.П.», отправился в свой районный Дом пионеров, попробовать договориться о возможности репетировать там. Переговоры увенчались успехом, хотя и были несколько омрачены личностями хозяев точки. Представьте себе (если только такое возможно представить в начале 21-го века) двух абсолютно одинаковых с лица братьев полухиппи-полупропойц в возрасте. Сморщенные ебальнички, плохенькие волосенки, свисающие соплями с затылков, неудавшееся музыкальное прошлое, сквернейшие характеры и самомнение на фоне постоянной алкогольной абстиненции – такими были Игорь Валентинович и Олег Валентинович, руководители кружка «рок-ансамбль» Дома пионеров Киевского района г. Москвы. Never trust the Hippu, uh, John? Тем не менее, несмотря на моментально возникшее взаимное неприятие, нам было назначено прослушивание. На самом деле Валентинычи уже давно самоустранились от непосредственно ведения «кружка». По всей видимости, любая работа причиняла им боль и грусть. Братьями была выработана ненапряжная схема, при которой в помещении постоянно репетирует несколько уже готовых групп, одной из которых и были «К.П.». Дерзновенные юноши и девушки, приходящие с улицы, просто не принимались под предлогом отсутствия мест.

Итак, через несколько дней мы притащились на Кутузовский и в назначенный час включили свои «инструменты» в «аппарат» Валентинычей. Кроме них, в комнате тусовались К.П. в полном составе (кроме Ленина, по-моему). Подключившись, мы попробовали что-то сыграть. Назвать это прослушивание полнейшим фиаско – это значит не сказать ничего. Никто из нас не мог петь, – можете себе представить, каких мелодий мы себе насочиняли, ориентируясь на Арию? Барабанщик останавливался через каждые пять секунд, делая вид, что ему все время что-то мешает. Мы начинали одну и ту же песню снова и снова, и снова у него отваливалась педаль или падала тарелка (на самом деле он, скорее всего, вообще впервые сел за настоящую установку). Мы чувствовали себя настолько беспомощно, что безответно сносили все тупые насмешки Валентинычей. После очередной остановки, старший Валентиныч обратился к одному из тусующих чуваков с телегой типа: «Денис, сядь за барабаны и покажи, как надо играть!» Денис сел и вломил. Разница была ясна, и не было никакой необходимости продолжать экзекуцию. Мы попрощались и ушли. После этого эпизода я принял решение покинуть группу, однако оставался в составе и ездил на репетиции еще некоторое время. Напомню, шла подготовка к важнейшему концерту в ШКОЛЕ!!!

Предложение играть на басу в составе К.П. прозвучало через несколько недель после позорного прослушивания.

Я встретил чуваков на своей троллейбусной остановке. Мы поздоровались как уже типа знакомые, и барабанщик Денис (или Рубан, как его все называли) спросил, как мои дела с той группой. Я честно признался, что собираюсь скипать. «Не хочешь панк-рок поиграть с нами?» – спросил он.

«Музыка простая, ты приколешься. Без соляков, без пафоса и напряжения. Мы раньше делали песни типа «Монгол Шуудан» и Сектор Газа, но быстро обломались играть совок. Сейчас играем в стиле Sex Pistols, быстро, мощно с дисторшн-гитарами».

«А что с вашим басистом?» – поинтересовался я (их басистом был некто Денис Сизов, чувак, живший со мной по-соседству).

«Решили с ним расстаться, по разным причинам».

Позже Рубан признался, что на самом деле их приколол мой внешний вид (отдельный разговор...) и наличие черной чешской бас-гитары Jolana bass disco.

Я взял несколько дней на раздумье, а сам ломанулся к еще одному своему экс-однокласснику, Коляну Корчагину, чей старший брат слыл экспертом во всяких странных музыках. Странными музыками у нас в то время считалось все, что не было хэви-металом.

Брат дал мне несколько кассет того, что он считал панк-роком. Среди них был первый альбом «Чуда-Юда», кстати, слышанный мной задолго до этого. Несколько лет назад на экранах прошел отличный фильм «Авария – дочь мента», где «Чудо-Юдо» играли сами себя в нескольких сценах. Кроме прочего, не помню уже, чего именно, у меня оказалась кассета «Sex Pistols» с «Never Mind the Bollocks» на одной стороне и «Great Rock'n'Roll Swindle» – на другой. Вот это было по-настоящему круто! И если мне предлагается играть такую музыку – ОК, вперед! Ничего подобного я не слышал никогда, хотя увлекался роком лет с 11-ти. Вся наша школьная и пионерлагерная, (а позже – просто дворовая) туса зависала на металле. Хэви был в топе весь конец восьмидесятых, и эти записи было сравнительно легко достать (если ты, конечно, был знаком с нужными людьми). Я имею в виду, что нас не достала «новая волна» – это была музыка скорее старших братьев. Тех, кому было 14–16 в году восемьдесят четвертом, Duran Duran были их группой. Пост-панк тем более прошел мимо, хотя и оказал огромное влияние на большое количество русских групп, пытавшихся в начале девяностых играть нечто подобное. Но «Pistols» не были ни первым, ни вторым и уж тем более они не были хэви-металлом, хотя некоторые элементы их звука меня прикололи именно потому, что я имел кое-какой хэви опыт.

Но минимализм в аранжировках, фокусирование на ПЕСНЯХ, а не на делании МУЗЫКИ, лаконичность и конкретность производили неизгладимое впечатление.

Конечно же, это только сейчас, поднабравшись формулировок и научившись с грехом пополам облекать свои чувства, вызванные прослушиванием музыки, в слова, я смог все это расписать таким образом. Тогда же, в 91-м, было ясно одно – я тоже так хочу, и что самое главное – МОГУ. Панк не требовал исполнительского мастерства, и это мне более чем подходило. Кроме всего прочего, – и это тоже было важно – я не находился в плену мифа о «Pistols». Я ничего не слышал о Сиде и Нэнси, и обо всех этих «Who kill Vamby?» и «Destroy!». Я ничего о них не знал, поэтому воспринимал их просто как рок-группу, сочинившую и записавшую пластинку из простых и мощных рок-песен, несколько однообразных, но от этого не менее привлекательных.

Итак, ответ был дан положительный, как вы, наверное, догадались, и мы поехали на первую репетицию.

Песни учились легко, от меня не требовалось сочинять отдельные басовые партии или ходы (мало того, все попытки делать это пресекались на корню, как несоответствие жанру). Тонический бас, подклад восьмыми нотами (ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды) в большинстве случаев в унисон гитарным партиям – вот все, что требовалось. Все песни сочинялись Лениным, который приносил готовые мелодии, аранжировки и тексты – на английском и русском.

Юра Ленин был по-настоящему одаренным парнем, делал музыку легко, обладал необходимой музыкальностью и мог петь, с легкостью попадая в ноты.

Юра жил на Большой Дорогомиловской и учился с Рубановым в одном классе в 56-й школе. Имея папу кадрового офицера (человека весьма сурового нрава, с именем Владимир при фамилии Ленин), Юра был весьма оригинальным пассажиром. Худой, среднего роста чувак, в сапогах, внешне издали напоминавших «казак», но имевших застежку «молния» на внутренних сторонах, что по тогдашним «пацанским» представлениям было западло. Пласток, с чуть ли не хохломской росписью, повязывался на башку в виде псевдобанданы, кожаная куртка и ботан-очки на носу. Также наличествовали умеренные хаерки (скорее всего, отбитые у папани с боем), и манера использовать в разговоре массу слов из постхиппистского англоязычного сленга, к месту и не к месту. Все это его «шуз», «Гитар», «сейшн», «элбум» немного раздражали, но, тем не менее, придавали ему вид «рок-ребела», (оп-па, я по ходу тоже что-то такое употребил), мучительно борющегося с консервативным влиянием семейной среды.

Юра был действительно талантливым сочинителем для шестнадцатилетнего парня, «сексипистолзподобные» песни сыпались из него гроздьями. Кроме пения (он классически копировал манеру Джонни Роттена), Ленин также поначалу играл на ритм-гитаре. Именно Юра, желавший во что бы то ни стало делать «все как у них», напридумывал всем сценические кликухи. Рубан остался Рубаном (правда, став Дэном вместо Дениса, что, согласитесь, не очень напряжно). С Воробьем ничего поделывать было нельзя, поэтому все сошлись на том, что Воробей останется им по-прежнему. Себя Юра стал именовать Джерри Лайдон, хотя ему как раз, имея настолько экзотическую и громкую «родную» фамилию, жаловаться было грех. Меня же Юра сразу начал величать, даже не спросив разрешения, Сидом. «Раз мы русский «Pistols», а ты играешь на басу – будешь Сидом». Да уж, в логике ему отказать было сложно.

Воробей, или Дима Воробьев, был из семьи попроще. Его мама работала учительницей немецкого в нашей 665-й школе, отца на горизонте видно не было. Воробей учился там же, на класс старше меня. Дима с матерью жили в коммуналке на Кутузовском, в соседнем с рубановским доме. Как оказалось, еще в школе он увлекся музыкой и в старших классах занимался пением, самостоятельно научившись играть на гитаре. Поначалу он был музыкантом сорта «можешь-спеть-пару-песен-» Кино»-под-гитару?», и рок был несколько далек от него. Насколько я сейчас понимаю, переход с «боя» полными аккордами на чистом звуке к игре квинтами и квартами с дисторшном проходил для него несколько болезненно. Димон был и, я надеюсь, остается простым, добродушным и милым парнем, с отличным чувством юмора, тактичным и внимательным. Он никогда не был супермузыкантом (впрочем, как и каждый из нас, за редким исключением), однако играл ровно и с чувством, быстро освоив большинство характерных гитарных панк-фишек (Steve Jones style, baby). Он также мог петь, что и делал в самом начале К.П. Ленина то ли еще не было, то ли он тогда только играл на гитаре. Но с переходом к новой эстетике, группа посчитала, что Ленин будет более выгодно смотреться в роли лидер-вокалиста.

Рубан был из цирковой семьи, их династия насчитывала несколько поколений, еще с дореволюционных времен (революция свершилась в октябре 1917 года). Мать его постоянно находилась на гастролях, отец жил в другом месте (родители были в разводе). Денис проживал с двумя бабушками – божьими одуванчиками, одна из которых была его настоящей бабушкой, а вторая – ее сестрой. Все школьные годы он гастролировал вместе с цирком, в котором работала его мать, переезжая из города в город, сменив за это время несколько десятков школ в разных местах России. В старших классах он прекратил движения по стране, и доучился в 56-й школе, живя в огромном сталинском доме на Большой Дорогомиловской.

Рубан был основным катализатором в группе, наиболее деятельным персонажем, тянувшим за собой остальных. Поступив после школы на телевизионный завод «Рубин», он попытался собрать первый состав группы. Сам он пробовал играть на басу, но после травмы, полученной на заводе (что-то типа растяжки фаланг нескольких пальцев), переключился на барабаны. Наши с Денисом музыкальные вкусы совпадали почти полностью, он также парился на хэви-металл. Его любимыми группами были Accept/UDO, Iron Maiden, Metallica, Guns'n'Roses, AC/DC, Motorhead, Kiss и другие. Так же, как и я, он прошел в детстве через увлечение евро-попом (Modern Talking, Bad Boys Blue, Silent Circle, Joy etc).

На самых первых репетициях у Ленина уже были песни «Под потными обоями» (позже – «Песня о жизни»), «Шилов вернулся», «Прохожий» – все они делались еще без меня в составе. Через несколько реп Ленин принес «Четыре Таракана», «I'll fuck my king in the ass», а Рубан, предложил сделать песню на основе пионерской песенки про овечку («Протекала речка,/а над речкой мост/на мосту овечка/у овечки хвост. Высохла та речка/провалился мост/ умерла овечка/отвалился хвост. А ну-ка раз, два, три, четыре!»). Песню «Про Овечку» играла еще одна группа, репетировавшая в Доме пионеров, – чуваки из Давыдково под названием Kick in Ass («Мы в Давыдково живем,/все мы курим, все мы пьем/так, что слушай Kick

in Ass/охиительный процесс»). В составе Kick in ass были парни, позже сформировавшие восхитительную франкоязычную банду Les Primitives, гитарист которых, Шахно, после распада группы некоторое время играл на гитаре в «Четырех Тараканах». Из «Овечки» путем несложных генетических операций была произведена «Крыса».

2. «Четыре Таракана» from USSR

После очередного конфликта с Валентинычами (один из них начал что-то гнать по поводу наших песен, хулиганского вида и беспонтовости панк-рока как музыкального стиля в целом) Ленин полез в драку. Мы завязали с репами на площади Победы. Надо было искать новое место для реп, и других вариантов, кроме как снимать часы за деньги на коммерческой базе, не было. Таким образом, после недолгих поисков, мы въехали на точку, располагавшуюся в старой церкви в районе метро «Шаболовская». Нужна была лаванда – три часа репы стоили 25 рублей, пачка сигарет стоила 2 рубля вроде бы. Не помню, кто предложил это первым, но идея была проста, хоть и несколько непоследовательна. Состояла она в том, чтобы исполнением одних песен заработать на репетиции других. Короче говоря, взяв пару акустик, мы выезжали с утра пораньше в длиннющий подземный переход метро (пересадка с «Площади Революции» на «Театральную») где и вопили дурными голосами один и тот же репертуар по кругу – «Замыкая круг», «Гуд Бай Америка» и еще пару подобных вещей. Спешащие мешочники и иностранцы-экскурсанты ссыпали нам достаточно денег, чтобы оплатить три репы в неделю, метнуться пожрать в Пиццу-Хат на Кутузовском (только-только тогда открывшуюся и поэтому жутко популярную) и взять «Вермута». Записав на базе несколько песен на встроенный микрофон обычного бытового магнитофона, мы получили свое первое демо. Я кое-что знал о «Рок-лаборатории» (официально – «Московская Творческая Лаборатория Рок-Музыки»), к тому же в «МК» был дан анонс приема записей от групп, желавших выступить на «Фестивале Надежд» «Рок-Лаборатории». Фестиваль проходил раз в год в «Горбушке» и был значимым событием в мире тогдашнего андеграунда. Группы считали фест типа «путевкой в большую жизнь», «стартовой площадкой», бла, бла, бла...

На деле оказывалось, что за два дня фестиваля, в марафонах из нескольких десятков выступавших банд, возможность обратить на себя внимание имели либо самые выдающиеся, либо самые выебистые. Звездами первых фестивалей были «Звуки Му», «Вежливый Отказ», «Нюанс», «Коррозия Металла», «ЭСТ», «Черный Обелиск», «Шах», «Ва-Банкъ». После фестиваля 1990 года стали известны «Наив», «Монгол Шуудан», «Матросская Тишина», «Бахыт Компот», «Ногу Свело», «А-Ъ!» и другие. Все кайфы, которые группа могла иметь после успешного выступления на «Фестивале Надежд» заключались в «приеме на работу» в «Лабораторию». Музыканты имели возможность положить в отдел кадров свои трудовые книжки, и это было важно. Тогда в СССР свирепствовал старый УК, и статья о «тунеядстве» всю работала. Как, впрочем, и статья о «мужеложестве» и «незаконных валютных операциях», по которым можно было привлечь не одного и не двух «сотрудников» «Рок-лаборатории». Юмор, типа.

Кроме всего прочего, лабораторское начальство могло помочь группам с базой, аппаратом, ну и мутило какие-то концерты-фестивали по децелу. Именно им мы и отвезли демо.

Удивительно было даже не то, что нам позвонили через несколько дней, и сказали – «Все ништяк, приезжайте на разговор». Удивительно было то, что мы, оказывается, им крепко понадобились. Уже на первой встрече прозвучала поначалу ненавязчивая, а впоследствии все более и более настойчивая просьба переименовать группу. Кроме того, нам также намекнули, что неплохо было бы сменить барабанщика, который по их понятиям (до нас тогда все эти сложности не доходили) был слабоват, «неровняк».

Так или иначе, но нам сообщили день, когда в малом зале ДК им. Горбунова состоится живое прослушивание отобранных групп. Второй уровень, так сказать.

Предфестивальное прослушивание выглядело так. В партере малого зала, в креслах расположилось все лабораторское начальство, плюс какие-то журналисты с фотоаппаратами,

плюс музыканты некоторых лабораторских групп (допускались все желающие). Мы не знали почти никого, кроме Германа из «Матросской Тишины» (его я видел на фотке в лабораторском журнале «Сдвиг»), также Рубан сразу сказал, что в зале есть чуваки из «Наива». Лично он также не был знаком ни с кем из них, но как-то признал. Итак, настало наше время выходить на сцену, мы включились и начали. Вы можете не верить (я бы тоже не поверил), но... после первой песни ОНИ ВСЕ ВСТАЛИ с мест и СТОЯ аплодировали нам. И толстые тетки-начальницы, и Антон Якомумский из «Ногу Свело», и какие-то офигенно модно прикинутые чуваки, и бородатые челы с фотоаппаратами. Я не мог объяснить этого тогда. Никто не мог. Сейчас, может быть, и понятно, что хлопали они не нескладной группе прыщавых нелепых подростков, они хлопали юности, свежести, наивности, безыскусности и отсутствию зауми. Всему тому, что НА САМОМ деле вставляет в ранних записях почти всех панк-групп мира. Вы вряд ли найдете в них хоть какое-то владение инструментами, хоть какие-то мысли и идеи, там даже может и не быть МУЗЫКИ. Но это чувство, что-то такое щемящее, что заставляет с большей силой жалеть о том, что тебе уже не 16 лет – вот чего там много. Кто-то из этих людей хлопал тем, кем они сами уже никогда не смогут стать, другие – признав в нас своих.

Мы сыграли еще пару вещей. На одну песню, по просьбе Ольги Опрятной, директора «Лаборатории», на сцену поднялся Антон из «Ногу Свело», чтобы исполнить с нами «Четыре Таракана» (наиболее техничную в барабанном плане нашу песню на тот момент). Они хотели посмотреть на то, как это будет звучать с сильным барабанщиком.

Когда мы спустились со сцены и пошли к выходу, все хлопали нас по плечам, говорили какие-то приятные вещи, а один, обращаясь к пацанам, сказал: «Берегите вашего Сида Вишеза». Кликуха пришла еще и с другой стороны, впрочем, в то время это ничего кроме гордости не вызывало. На «Фестиваль надежд» мы были приняты, однако с несколькими оговорками. Нам все-таки предстояло сменить имя. «Кутузовский проспект» сильно не нравился им всем. Они лечили нас, что мы еще молодые и многое не понимаем, что такое название будет тормозить наше развитие, что группа с нашей музыкой и посылом должна называться соответствующим образом, не так сухо и безлико. В итоге мы согласились со всеми доводами, однако категорически отказались от предложенного кем-то из лабораторских названия «Четыре Таракана». «Четыре Таракана»? – «Смеетесь, что ли? Что за детский сад?». Мы даже не рассматривали особо этот вариант по причине его выдающейся безмозговости и кошмарного звучания. Намного позже, в самом конце 90-х, Руслан Ступин, оригинальный гитарист «Наива», в нескольких интервью называл себя человеком, «придумавшим нам название», «принявшим группу в «Рок-Лабораторию», и чуть ли не оказавшим судьбоносное и кардинальное влияние на нас поначалу. Возможно, Руслан тоже был в зале на том прослушивании, возможно, он был именно тем человеком, который, услышав песню «Четыре Таракана» выдвинул идею назвать группу по названию песни. Все это может быть, однако я не склонен гипертрофировать чье-либо влияние на нас в этом смысле.

Итак, мы были должны в кратчайшие сроки назвать себя как-то по-другому, придумать звучное и крутое название группе, такое, чтобы не было стыдно идти под ним по жизни.

Еще одной оговоркой была необходимость подтянуть игру Дениса и, в крайнем случае, заменить его на фестивале Антоном Якомумским либо еще одним чуваком, порекомендованным лабораторцами – экс-барабанщиком группы Т-34 (не помню имени этого парня, к сожалению). Мы стали ездить на базу «Ногу Свело» на Полежаевку. Их база, на которой находился лабораторский аппарат, была оборудована в одном из помещений автобазы на улице Куусинена. «Нога» тогда начинала потихоньку выбиваться в фавориты, хотя до настоящего их успеха, «Хару-Мамбуру» и всего такого оставалось еще почти три года. Антон на самом деле поморочился с нами (не очень много, правда), показывая Денису разные приемы и помогая ему в том, что касается «ровной» игры. Проблема Рубана тогда, и потом, состояла

в практической невозможности удерживать игру в одном темпе. Он, что называется «плавал», играл то чуть быстрее, то медленнее, что, конечно же, катастрофическим образом сказывалось на общем звучании группы. Песни просто расплзались на глазах, мы не звучали монолитно, а панк-группа, не звучащая «вместе», оставляет весьма комичное впечатление. Основные советы Антона касались игры под метроном, дисциплинирующей музыкантов и позволяющей более сфокусироваться на ровности темпа. Однако с нами было не все так просто. Денис начинал жаловаться на то, что «метр» отвлекает его, не дает наслаждаться игрой и мочить по-настоящему. Все это, конечно же, шло от нашей неопытности, мы были начинающей группой, с хорошим материалом и позитивным посылом, но так себе играющей. Иногда на базе мы встречали лидера «Ногу Свело», Максима Покровского, странного молодого человека, с внешностью рано начавшего пить лыжника-ботаника и задатками начинающего параноика. «Ногу Свело» тогда почти отошли от своего старого пост-панк-стеб-глум материала, типа «Лысой девочки» и «Подростка Семенова», только что выпустили на виниле альбом «Капризы Манекенщиц», и звучали сочно и очень оригинально.

«Ногу Свело» оказались единственной более или менее известной группой на «Фестивале Надежд» в июле 1991 года в ДК им. Горбунова. «Лаборатория» поставила их в концерт начинающих банд как коммерческую замануху, плюс, желая показать публике новую программу активно прогрессирующей группы. Кроме них, вы не могли найти в афише фестиваля ни одного имени, хоть что-то говорящего публике. Я постараюсь навскидку вспомнить несколько: день первый, металл; «Хеллер», «Razzle Dazzle», эээээ... Эээ... А! Вот – «Distemper». Да, точно, «Distemper» играли в первый день, вместе с металлической братвой. Как вы, наверное, понимаете, никаким ска-панком тогда даже не пахло, а пахло жесточайшем кроссовером /хардкором в духе Carnivore и DRI. «Урела, все совковые дела», «Нам сегодня с Баем дали пиздюлей», такие песни.

День второй – панк, пост-панк, индастриал, короче – все, что не металл; «Глобально Красные Ночью На Фронте» (отличные названия были тогда у групп, а? Можете себе представить сейчас группу, которая захотела бы назваться так?), «Джефф», «Французское сопротивление» (неплохая банда, игравшая смурной пост-панк с индастриал-штуками, очень умную музыку. Чуть позже они смогли выпустить винил на «Мелодии». Я не любитель такой музыки, но их опыты, по крайней мере, вызвали уважение. Я не знаю, что с ними сейчас. По-моему, они не существуют года с 93-го – 94-го), «Кузькина Мать», «Пост ОРБ» и масса других. В каждом из двух дней принимали участие по полтора десятка групп.

Итак, мы репетировали, готовясь к выступлению, параллельно придумывая себе новое название. Мы устраивали мозговые штурмы, фонтанировали самыми тупыми и нелепыми названиями, перебирали массу вариантов и в итоге остановились на варианте, предложенном Лениным. «Биг-Бен» – вот как мы посчитали возможным назвать свою группу! Нет, с другой стороны все понятно, юные панки, считавшие Лондон столицей панк-культуры, а башню – символом этого города. Второй, жаргонный смысл этого выражения нам, почему-то, был тогда не очевиден. Это название также вызвало неприятие, и все началось заново. В итоге, наша неоперативность, отсутствие единомыслия и некоторая леность привели к тому, что все сроки, отпущенные на придумывание названия, истекли. И тем не менее, анонс предстоящего фестиваля, пошедший по радио SNC, в котором одной из выступающих групп называлась группа «Четыре Таракана», произвел на нас шокирующее действие. Мы были в полной уверенности, что нашей, не успевшей еще начаться карьере наступил конец, что ни один здравомыслящий человек не захочет поинтересоваться группой с таким названием. А как прикажете знакомиться с телками?

«А ты чем занимаешься?» – «А я играю в группе!» – «Да? И как же она называется?» – «Четыре Таракана...» – «?!?!?!!!!!!!!!!!!!!!».

Не говоря уже о том, что такое название не может вызывать у людей уважение к музыкантам, решившим вдруг выбрать себе подобное имя. Я бы не стал слушать группу с таким названием, просто из-за него. Сейчас я считаю себя терпимым человеком, open minded, как это называет Чача, толерантным ко всем (ну или почти ко всем) формам проявления творческой мысли, но в то время название группы могло помешать людям добраться до музыки. Мы все думали тогда примерно так, и жутко злились на лабораторских функционеров, позволивших себе так жестко нас подставить. Однако в конторе царили спокойствие и тишь. Их объяснения звучали примерно так: «Ну ладно, пацаны, ну что вы разорались. Это всего лишь один концерт, да еще сто раз переименуетесь, какие ваши годы!» Что самое интересное, время показало, что они были отчасти правы. В любом случае мы успокоились, залечивая себя примерами из мировой рок-музыки, когда группы с нелепыми названиями становились звездами, и никому нелепость этих самых названий уже не была столь очевидна. Да что далеко ходить за примерами – НИКТО и НИКОГДА не мог даже предположить успех в масштабе целой страны группы под названием «Ногу Свело». Кто угодно, только не они. Люди, массы просто не смогут принять этот коллектив. Так казалось в 91-м. И что же? Разве сейчас кому-нибудь имя «Ногу Свело» кажется странным, режет ухо? Сомнительное, бессмысленное словосочетание превратилось в фонетически привычный набор звуков.

Итак, мы выступили на фестивале. Не так хорошо, как хотелось бы, на говняном звуке, не особо динамично, однако один фактор все-таки перевешивал все. Никто, кроме «Четырех Тараканов», не играл (на фестивале) панк-рок. Люди заморачивались на всякие постпанки и заушь, нытье, вытье, психоделию, атональности, нойз и тому подобную неконкретную муть. Почему никто не понимал, что, исполняя простую и доступную музыку, можно быстрее достучаться до сердец людей? Как все эти музыканты могли прикалываться от мудятины, в большинстве случаев надуманной и высосанной из пальца, когда абсолютно ясно, что люди хотят РОК? Громкий и тупой рок-н-ролл, способный поднять из могил мертвецов и уложить в них живых. Я верю в то, что все они действительно считали, что делают хорошую музыку, но время показало, что НИКТО из того лабораторского набора, кроме нас и Distemper не прожил и трех лет.

Короче, мы были единственными, кто играл панк-без-затей, классический подростковый «seventy-seven», и часть публики отнеслась к нам с симпатией. Люди запомнили имя, и то, что они могут ожидать от этого имени. Для начала было достаточно.

После сета, в гримерку, в числе прочих празднующихся пассажиров, заглянул весьма нетрезвый чел. Познакомиться и поздравить. Чувак отлично выглядел (по сравнению с тем, как выглядели мы, – он выглядел просто охуенно!), постоянно юморил и вообще – всячески к себе располагал. Рубан, подводя к нему свою тогдашнюю девицу, сказал: «Вот, Маша, чувак, который поет про «Жирный, жирный, поезд пассажирный». Оп-па! Так это же Крэйзи из «Наива»! Круто! Так мы собственно и познакомились. Знакомство наше, переросшее в приятельство, дружбу, сотрудничество, продолжилось через несколько месяцев, и до этого дело дойдет в свое время. В тот раз Саша потусовал с нами несколько минут, накатил чего-то там такого и отправился дальше. Мы приободрились немислимо! Наряду с «Never mind the bollocks...» Pistols, Наивовский «Switch Blade knaive» 90-го года был на тот момент главной панк-пластинкой для нас и нашей тусы. И если Pistols были классикой, эталоном и примером стиля в принципе, то «Наив» показывал, как то же самое, без потерь по качеству и скидок на «ну-у, мы же живем в совсем другой стране» можно делать на русском и в России. Их клип «Танки-Панки» показали в нескольких музыкальных передачах, чуть позже «Наив» снялись в популярнейшей тогда «Программе А». Они жили неподалеку, чуть западнее по Кутузовскому, в Давыдково. Мы также знали, что их альбом был выпущен на виниле в Америке, на каком-то авторитетном лейбле, да и сами чувачки весьма не просты в плане происхождения (ну или, по крайней мере, часть их). Мы добыли эту запись (как и

множество других панк– и андеграундных записей) в студии «Рок-лаборатории» «Колокол», где за легкий прайс вам, на вашу кассету копировали любую фонограмму из огромного каталога. По-настоящему же «Switch Blade knife» был выпущен в России только в 1997 году, фирмой грамзаписи Фили. Мы слушали «Наив» каждый день, и просто не понимали, как это сделано. Где они набрались этой легкости и безбашенности? Как они, играя на металлическом звуке с глэм-прихватами, при этом не делают ни металл, ни глэм, а фигачат офигенное панк-музло? Да, конечно, мы тогда многого не знали. Да что там многого, на самом деле мы не знали ничего. Одна пластинка Pistols, прослушанная через 14 лет после ее выхода, вот и вся инфа, которой мы тогда владели. А с этими парнями было все не так просто. В их песнях чувствовалось знакомство (и весьма не поверхностное) с жанром. Мало того – они отлично играли, имели свой собственный звук, во многом определявшийся своеобразной игрой Ступина на гитаре и вокалом Крэйзи. Они делали несовковые русские тексты. Делать «несовковые» тексты было в тот момент главной задачей тех, кто, играя «фирменный» рок, собирался сочинять лирику на русском. И наоборот – написать «совчину» было страшным заподлянским актом. Именно поэтому в описываемый период времени большинство групп «нерусского» рока сочиняли всю лирику на английском. Люди просто боялись испоганить себе мазу. Никто не знал, как делать русские тексты и при этом не скатиться в русский рок. «Наив» знали. «Танки, танки, танки, танки, в них сидят солдаты панки!», или «Доктор Айболит», или «Композитор Бах, надавал мне в пах! / я остался подыхать, погибать в кустах! Его грудь в крестах, а моя в волосах / он – немецкий органист, а я советский онанист!» Кайф!

ОК, мы слушали «Наив», теперь даже могли похвастаться пусть шапочным, но все-таки знакомством с одним из них. И конечно, как множество начинающих парней сейчас, мечтают о совместном концерте с ними или с нами, нам тогда тоже мечталось выступить с «Наивом». Мечта, казавшаяся несбыточной, стала реальностью через несколько месяцев, а пока мы захватывали подвал.

Захват подвалов, на рубеже 80-х и 90-х было для тогдашней столичной молодежи делом почти обычным, это приобрело вид массового поветрия. Дворовые чуваки и чувихи, не зная, куда податься в холодное время года, вскрывали подвальные двери в своих подъездах и начинали тусовать в относительном тепле и таком же уюте. Все занимались разными делами, нам же подвал был нужен как репетиционная база.

Рубан сказал, что в соседнем с его подъездом подвале когда-то залипала молодежь, и сейчас он находится в запустении и свободен.

Мы за неделю очистили его от кала и хлама, провели электричество, и, попросив в красном уголке ЖЭКа какой-то заваливающий аппарат (типа на время, однако никто не собирався его отдавать ЖЭКу назад) завезли его вниз. Рубан навешал замков на двери и научил всех отжимать запоры этих «противоядерных» дверей (наш подвал, как и каждый нормальный подвал, был не просто подвалом, а «бомбоубежищем»). Он также вроде бы уболтал каких-то жэковских теток на то, что они типа дают разрешение нам там тусовать. Короче, был выбит полулегальный статус. Теперь мы могли говорить ментам, зашедшим на огонек, что у нас все чин-чинарем: пожалуйста, звоните в ЖЭК – там вам все подтвердят.

Таким образом, мы начали почти ежедневные репетиции. Очень скоро в подвале или около него (стояло лето) стал чалиться весь двор, а также одноклассники парней и мои собственные, всевозможные девицы и типа того.

Сами мы также очень быстро начали использовать помещение не совсем по назначению. Среди прочей «мебели» внизу стоял немислимый диван (не знаю, откуда он там взялся), на который мы и стали водить наших тогдашних подружек. Ну и выпивать там же.

Лето потихоньку катилось к концу, мы репетировали новые песни и даже записали еще одно демо, теперь уже долгоиграющее. На бытовой магнитофон в подвале были записаны барабаны и гитара (Ленин тогда уже только пел), а на дешевой студии при каком-то театре,